

12 свидетельств о войне

БОРИС
СОКОЛОВ

«Если только буду жив...»:

12 дневников военных лет

ПАВЕЛ ПОЛЯН

СПб.: Нестор-История, 2021. – 992 с.

В сборник, составленный российским исследователем истории принудительных миграций Павлом Поляном, вошли дневники двенадцати человек, написанные в годы Второй мировой войны. Перед нами дневник военнослужащего Русского охранного корпуса и Русской национальной армии Георгия Томина-Симона; начальника Особого отдела 50-й армии Ивана Шабалина, погибшего в Вяземско-Брянском «котле»; бойца штрафной роты Александра Контарева; военнопленного Анатолия Галибина, побывавшего в финском плену; военнопленного Сергея Воропаева, работавшего шахтером и умершего от туберкулеза через неделю после освобождения; военнопленного и оstarбайтера Василия Пахомова; остовки из Курска Александры Михалевой; оstarбайтера Василия Баранова; оstarбайтера и заключенного штрафного лагеря (по сути – концлагеря) в Гаттингене Анатолия Пилипенко (записи о заключении в концлагере фактически являются мемуарами, написанными через несколько месяцев после освобождения); оstarбайтера-шахтера и солдата советского трудового батальона Бориса Андреева; немолодого жителя Таганрога Николая

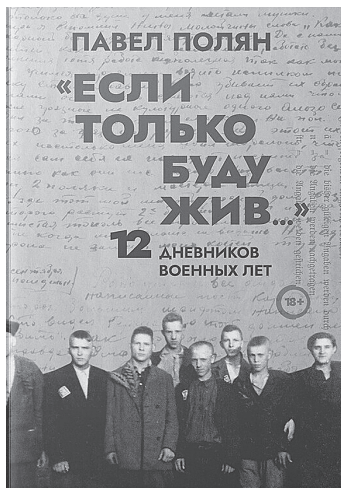

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

Р

**НОВЫЕ
КНИГИ**

193

Саенко, пережившего германскую оккупацию, и уцелевшей узницы Каунасского гетто Тамары Лазерсон. Сборник, который составил Полян, представляет бесценный личный опыт и свидетельства людей, принадлежащих к самым разным социальным стратам, чье положение в годы войны сильно отличалось – но порой имело немало общего. Если прочесть все двенадцать дневников подряд, складывается уникальное видение Второй мировой войны в личном восприятии самых разных ее участников и жертв, не причесанном на основе более поздних мифов и стереотипов. Для данной книги тексты всех дневников были заново подготовлены к публикации и прокомментированы.

Судьба ряда дневников весьма драматична. Так, дневник Анатолия Ивановича Галибина был найден в потайном кармане брюк одного из скелетов в братской могиле советских военнопленных в финской Лапландии и уже в 1945 году частично опубликован. Тогда не было сомнений, что автор дневника погиб в 1944-м. Однако позднейшее изучение документов показало, что Галибин в 1943 году был переведен в немецкий лагерь, освобожден в конце войны и в 1946-м благополучно репатрирован. А дневники Александра Филипповича Контарева в 1970-е были присланы по почте поэту Евгению Евтушенко то ли самим автором, то ли кем-то из его родных или друзей. После развода в 1978 году дневники достались жене Евтушенко, Галине, а она позднее передала их писателю и правозащитнику Алексею Симонову. А уже от него дневники попали Павлу Поляну и ныне покойному Николаю Поболу, с которым они вместе начинали подготовку текста к печати (памяти Поболя посвящена рецензируемая книга). Дневник же Шабалина сначала был найден немцами на мертвом теле автора, переведен на немецкий и размножен, а потом один из немецких экземпляров был захвачен советскими войсками и переведен обратно на русский язык.

Больше всего материала публикуемые дневники дают для освещения темы оstarбайтеров (или остовцев) – людей, угнанных на принудительные работы в Германию с оккупированной территории СССР. Так или иначе сюда относятся шесть из двенадцати дневников (Воропаева, Пахомова, Михалевой, Баранова, Пилипенко, Андреева). Полян совершенно прав, когда подчеркивает, что, «поскольку переписка оstarбайтеров подвергалась жесткой цензуре, их сохранившиеся многочисленные открытки на родину представляют лишь ограниченный интерес, так как найти среди них свободное, неподцензурное слово непросто» (с. 973). Поэтому эти дневники имеют особую ценность и особенно важны для «анализа всех табуизированных тем войны – от жизни под оккупацией и угона гражданских лиц до страготица военнопленных и Холокоста» (с. 974).

Идея Поляна разделить на зоны оккупированные территории СССР для анализа положения проживавшего там населения представляется правильной, однако без пояснения трудно понять различие между «ареалом оперативной зоны вермахта» и «собственно армейским тылом». В то же время выделение прифронтовой зоны и зоны гражданской оккупационной администрации возражений не вызывает (с. 974). На наш взгляд, следовало бы говорить о прифронтовой зоне, тыловом районе военных операций (*Rückwärtiges Armeegebiet*) и зоне гражданской оккупационной администрации.

Различные группы оstarбайтеров различались по своему положению. Главными были два фактора – обеспечение продовольствием и физическая тяжесть работы. С этой точки зрения положение подавляющего большинства оstarвцев оказалось значительно тяжелее, нежели подневольных рабочих из других стран. Несколько лучше были условия у выходцев из стран Балтии и поляков. Начиная с 1943 года значительную часть оstarвцев стали составлять коллаборанты, отступавшие вместе с немцами. Не всем из них нашлось место во все сокращавшейся оккупационной администрации – и не все хотели сражаться с партизанами. Полян отмечает, что у коллаборантов, эвакуированных вместе с семьями в Германию, «по сравнению с оstarбайтерами номинально был другой правовой статус; их так же использовали на принудительных работах, и со временем эти различия практически исчезли» (с. 484). Баранов подтверждает наличие среди оstarвцев бывших полицаев, которых прочие оstarвцы иногда били (с. 696). Но были и высокопоставленные коллаборационисты, которые сохраняли привилегированное положение даже в Германии, – например, бывший бургомистр Смоленска Борис Меньшагин, а также инженеры и другие дефицитные специалисты, работавшие с немецким персоналом.

Положение оstarвцев различалось еще из-за характера предприятий, где они работали, а также от того, как складывались их отношения с хозяевами, мастерами, охранниками и так далее, где большую роль играл субъективный фактор. Относительно лучше ситуация была у тех, кто трудился в сельском хозяйстве. Работать порой приходилось больше, чем в городе, но зато здесь оstarвцы были сыты вплоть до конца войны. В городах же и продовольственные возможности, и тяжесть работы варьировались от предприятия к предприятию. На более тяжелых работах, например, в шахтах, кормили лучше, и дневники тех, кто был шахтерами, это доказывают. Для женщин работа была более легкой, чем для мужчин, и зачастую их возможности достать еду в городе были обширнее. Оstarвки также гораздо реже, чем оstarвцы, подвергались избиениям со стороны мастеров и охраны. Для мужчин же избиения, как видно из дневни-

ков, порой заканчивались смертью. Остовцы были абсолютно бесправны и жили на казарменном положении. Поэтому многие из них совершали побеги – при том, что пойманных беглецов ждал не расстрел, а карцер и временное уменьшение пайка.

Еще одной серьезной опасностью для жизни остовцев и советских военнопленных в Германии были англо-американские бомбардировки. Зато у тех, кто остался на оккупированной территории, был еще больший шанс погибнуть во время боевых действий, как, например, у жителей прифронтового Таганрога, как хорошо показано в дневнике Николая Григорьевича Саенко. Также их могли убить как партизаны, так и немецкие каратели, которые нередко сжигали целые деревни и расстреливали заложников. После освобождения местную молодежь чаще всего мобилизовывали в Красную армию. Таких призывников обычно бросали в бой без подготовки (и часто невооруженными), что повышало шансы на гибель. Но и военнопленных, и остовцев, включая девушек, точно так же в последние месяцы войны отправляли в армию сразу после освобождения – и с тем же риском. Лазарь Рубинчик, закончивший войну сержантом, вспоминал, что их рота 24-го гвардейского полка 10-й гвардейской дивизии была укомплектована «в основном бойцами, освобожденными из плена, и мальчиками, угнанными на работы в Германии. Кстати, эти мальчики, едва достигшие 17–18 лет, по их рассказам, не так уж и плохо жили у своих немецких хозяев. Работали они много, но и кормили их прилично». По словам Рубинчика, многие из них погибли в последнем бою роты 5 мая 1945 года под Шнейдемюлем:

«Вдруг застрочил пулемет противника и вмиг скошил всех тех, кто был на пригорке. Так погибли почти все новобранцы, мальчишки 1927 года рождения, угнанные в Германию и призванные в армию уже здесь, на занятой нами территории. Эти мальчишки совсем не были обучены военному делу, не умели передвигаться по-пластунски и перебежками. Погибло их в этом бою человек 25–30, ранило человек десять, а уцелело мало»¹.

В феврале 1945 года в 13-й армии 1-го Украинского фронта из 3870 человек пополнения военнопленных было только 23%, тогда как остальные были бывшими остовцами, включая 20% женщин².

Переходя к другим сюжетам, наиболее странным представляется то, что Полян не идентифицировал Георгия Томина-Симона и ничего не сообщил о его дальнейшей судьбе после того,

1 Рубинчик Л.Е. *Воспоминания и размышления сержанта об отдельных событиях Отечественной войны 1941–1945 годов // Я помню. Ветераны ВОВ. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны* (<http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/rubinichik-lazar-evseevich/>).

2 *Битва за Берлин. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15. М.: Терра, 1995. С. 148.*

как 11 января 1946 года тот выехал из Лихтенштейна в Австрию («его след затерялся где-то после 11 января 1946 года», с. 42). Но несложно отыскать «след Симона»: для этого достаточно заглянуть в соответствующий том справочника «Незабытые могилы» Вадима Чувакова. Там – на основе некрологов «Нового русского слова» (Нью-Йорк) и «Русского слова» (Буэнос-Айрес) – читаем:

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

«Симон-Томин Георгий Люцианович (6 марта 1895, Буды Харьковской губ. – 24 июня 1965, Буэнос-Айрес). Режиссер, актер. Руководитель драматической театральной труппы. Окончил Томское реальное училище, в 1911 году – слушатель имп. драматических курсов в Санкт-Петербурге, через год уехал в Одессу, где прошел курс сценического искусства в театральных школах О.В. Рахмановой и Е.А. Мочаловой, после чего работал в Одессе в драмтеатре Сибирякова, затем в труппе Григория Ге, а в 1915–1916 гг. – в Одессе, в театре Михайловского, затем в театрах Аккермана, Керчи. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию. После эвакуации жил в Югославии, работал в театре миниатюр (играл на сербском яз.). В 1943 г. записался в Русский корпус, где создал труппу “Веселый бункер”, выступавшую в армии. После создания “Русского Дома имени государя Николая Второго”, в котором возник русский театр, он перешел туда. Играл все амплуа. Его знали под именем Жорж Томин. Настоящая фамилия: Симон. В 1945–1948 гг. в Австрии, в лагере Парш создал театр и ставил спектакли для Ди-Пи. В 1948 г. приехал в Буэнос-Айрес, где за 16 лет создал 50 спектаклей. В 1948–1953 гг. заведовал Домом русских эмигрантов. Скончался на 71-м году жизни»³.

В книге Михаила Близнаку Симону-Томину посвящен целый раздел⁴. Несомненно, Георгий Симон-Томин направился в Аргентину вслед за Борисом Хольмстон-Смысловским. Там в июле 1949 года он редактировал газету «Суворовец» основанного Смысловским Суворовского союза, но уже в ноябре 1949-го был вынужден выйти из союза, будучи обвинен в «неподобающем поведении»⁵.

Алексей Белков в статье, посвященной периодике Русского охранного корпуса (РОК), среди сотрудников первого корпусного издания «Ведомости охранной группы» (начали выходить в декабре 1941 года и потом – после смены ряда названий – трансформировались в газету «Борьба», о которой идет речь в дневнике) упоминает «унтер-офицера отдела пропаганды штаба Корпуса Георгия Люциановича де Симона (Томина),

3 Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 2005. Т. 6. Кн. 1. С. 559.

4 Близнак М.И. Войной навек проведена черта... Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях DP. М.: Старая Басманная, 2017. С. 551–559, 726–733. Здесь также обильно цитируется дневник Симона-Томина.

5 Грибков И.В., Жук Д.А., Ковтун И.И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011. С. 389, 409.

в прошлом актера Керченского театра, поручика Добровольческой армии». Отмечу, что обер-офицеры белых армий принимались в Русский охранный корпус унтер-офицерами. Также в статье сообщается, что уже к концу первой декады апреля 1945 года главный редактор издания Евгений Месснер перешел на службу в штаб 1-й Русской национальной армии (РНА) генерал-майора Бориса Хольмстон-Смысловского на должность начальника оперативного отдела (I A) с присвоением воинского звания «майор». Приблизительно в то же время в армию Смысловского прибыл Симон-Томин вместе с редакцией, «насчитывающей в тот момент 10 человек»⁶. Из статьи Белкова можно предположить, что Симон-Томин служил в РОК уже в 1942 году.

Полян полагает, что жена Георгия Симона-Томина, Лидия Симон («Зайчик» в дневнике), «была советской гражданкой и поэтому со временем была выслана американцами в советскую зону, о чем он не знал» (с. 40). Откуда почерпнуты эти сведения, автор не указывает. Однако из книги Михаила Близняка, опирающегося на аргентинскую русскоязычную прессу, следует, что, выехав из Лихтенштейна в Австрию, Симон-Томин благополучно воссоединился с женой, которая играла в его постановках и последовала за ним в Аргентину. Симон-Томин прибыл с женой в Буэнос-Айрес из Генуи на борту американского корабля «USAT General Stuart Heintzelman» 27 октября 1948 года⁷. Лидия Симон скончалась в Буэнос-Айресе 11 января 1974 года, пережив мужа на 8,5 лет⁸. Скорее всего она тоже была из эмигрантов и не имела советского гражданства.

Вероятно, Симон был немцем французского происхождения, из гугенотов. На немецкую национальность указывает немецкая форма отчества – Люцианович (по-французски было бы Люсьенович, а по-русски – Лукьянович). Возможно, после оккупации Югославии Германией Симон оптировался как фольксдойче (это давало ряд преимуществ, в том числе дополнительный паек), но это очень трудно выяснить достоверно. Кстати, если Симон был зарегистрирован как фольксдойче, его вряд ли можно назвать коллаборантом, как это делает Полян. Также нет никаких данных, что он совершил какие-либо военные преступления и вообще участвовал в боях с партизанами. Можно предположить, что Симон-Томин все-таки служил в армии в Первую мировую войну, иначе не понятно, как он успел стать поручиком в Добровольческой армии. Судя по тому, что он кончил реальное училище, его отец, вероятно, был инженером. Но был

6 Белков А.Н. *Русский охранный корпус (1941–1945 гг.): официальная периодическая печать* // Вестник Академии военных наук. 2015. № 2. С. 165, 168. Здесь же есть данные о некоторых упоминаемых в дневнике Симона-Томина лицах.

7 Близняк М.И. *Указ. соч.* С. 731.

8 Там же. С. 733.

он дворянином или разночинцем, сказать трудно. Частица «де» здесь не показатель. Классический пример – Барклай-де-Толли, где «де» не имеет отношения к дворянству этого рода. Возможно, Симон был призван в конце 1916-го или начале 1917 года, направлен в военное училище и к октябрю 1917-го уже был прапорщиком. Он упоминает свою работу железнодорожником. Может быть, в Добровольческой армии он служил на бронепоезде? Но это только гипотезы.

Симон-Томин в лагере в Лихтенштейне мастерил кукол на продажу, в частности, в июне 1945 года ему удалось продать «два поддоргунчика (одетых) и тряпичную куклу» (с. 61). Если верить Роману Гулю, двадцатью годами ранее бывший военный министр России Владимир Сухомлинов в эмиграции в Берлине «занимался тем, что делал мягкие куклы из кусков материи, набитых ватой, с пришитыми рисованными головами».

«Выходили прекрасные Пьеро, Арлекины, Коломбины. Радовался генерал, ибо дамы покупали их по 10 марок штуку. И садились мертвые куклы длинными ногами возле фарфоровых ламп, в будуарах богатых немецких дам и кокоток»⁹.

Михаил Булгаков в пьесе «Бег» (1929) позаимствовал у Гуля эту деталь для генерала Чарноты, который изготавливал в Константинополе игрушечных «красных комиссаров», но далеко не так успешно, как Сухомлинов. Игрушками вынуждены были торговать и остовцы во Вторую мировую, чтобы прокормиться. Борис Андреев 11 января 1943 года записал в дневнике:

«В лагере мастерят из дерева фогелей – птиц и игрушку-физкультурника и продают немцам в шахте за куски хлеба. Я тоже занялся этим делом. Сегодня я снес двух физкультурников и получил за них 2 куска хлеба гр. по 200» (с. 752).

Пожалуй, то, что Полян пропустил биографию Симона-Томина, – главный недостаток в целом хорошей книги. Несомненно, в случае переиздания подробную биографию этого персонажа следует в нее включить.

Кадровый чекист, майор госбезопасности Иван Савельевич Шабалин, и на войне привычно применял главный чекистский метод – расстреливал предполагаемых дезертиров, трусов и изменников родины. Но в условиях немецкого окружения этот метод был уже бесполезен. Шабалин видел много недостатков в армии. Так, 6 сентября 1941 года он записал: «Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают» (с. 75). Однако, не имея практически никакого военного и

⁹ Гуль Р. *Жизнь на Фукса // Белое движение: начало и конец*. М.: Московский рабочий, 1990. С. 464.

боевого опыта, Шабалин ничем не мог помочь в исправлении недостатков. И скорее всего перед смертью, при выходе из окружения, он сознавал свою абсолютную бесполезность. Об этом свидетельствует трагическая запись 15 октября, за пять дней до гибели: «Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась» (с. 82).

Александра Контарева Алексей Симонов характеризует как «двадцатипятилетнего жлоба и хама, занятого выживанием и только о нем думающего», – и Полян с ним полностью согласен (с. 87). На мой взгляд, оба они слишком сурово относятся к Контареву. Стремление выжить присуще всем солдатам, и оно, как правило, отражается в их дневниках. Контарев же за чужие спины не прятался, воевал честно, совершил подвиг; совершенно непонятно, что ему можно поставить в вину. Не чуждо ему и чувство патриотизма. 11 августа 1943 года Контарев записал: «Как все-таки жалко, что мало прожил и мало сделал, хотелось бы сделать что-то большее для нашей страны, но ничего не сделаешь: на войне без жертв не бывает» (с. 98). А 18 августа 1944 года он пишет: «Если только доберусь до бригады [139-й пушечно-артиллерийской бригады 39-й армии. – Б. С.], буду проситься в подразделение, там будет больше опасности и работы, так что некогда будет думать» (с. 132). Порой Контарев стремится на фронт, а не в тыл – хотя в итоге его оформляют при штабе бригады чертежником (старшим вычислителем). И жизненная программа у него вполне позитивная: «если только останусь жив, то после войны учиться и учиться, без конца учиться, пока не добьюсь чего-либо основательно» (27 августа 1944 года) (с. 135). А возмущение по поводу неравноправия солдат и офицеров можно понять, когда он пишет:

«Случайно пришлось сверять списки награжденных с корешками временных удостоверений, и из всего списка ни одного солдата нет, награжденного орденом, а все медалью и только. Спрашивается, кто ж тогда воюет, солдат или офицер, кто заставляет немцев бежать с нашей территории, кто бьет немцев повсюду – солдат! И вместе с тем такая несправедливость по отношению к нему» (3 сентября 1944 года) (с. 137–138).

На ту же тему запись 8 октября 1944-го:

«Привезли водку, солдатам дали только по 100 грамм, боясь, что они перепьются, а офицеры понажрались так, что даже не могли руководить дальнейшим ходом наступлений и за вчерашний день задачу не выполнили. Спрашивается, кто же виноват, почему солдат так мытарят, почему офицер получает ордена, а солдат, честно заработавший орден, получает несчастную медаль? Да и ту дают и говорят: смотри же, теперь не подкачай» (с. 147).

Показательно, что так отзываясь Контарев об офицерах штаба артиллерийской бригады, тогда как пехотные офицеры, вместе с которыми он был в окопах, пользовались у него значительно бóльшим уважением: «Когда я был в пехоте, то не чувствовал такой несправедливости и меньше обращал на все внимания» (с. 148). Будучи солистом ансамбля самодеятельности при штабе бригады, Контарев 17 мая 1945 года возмущался: «Но насколько это низко, мы являемся скоморохами, которые веселят начальство по их прихоти» (с. 205).

Вот описание действительно героического боя Контарева 1 июня 1943 года у деревни Вердино:

«[Из взвода штрафников] из тех, что действовали, остался я да Гриша Томилец с выбитыми глазами: [...] и поперли фрицев, перебили до хрена, начали закрепляться. Вдруг началась жуткая канонада, артподготовка, ну, сейчас пойдет в контратаку. Так и есть, огонь перенес в глубину, бегут фрицы. Ну и началась работенка, сидишь да шелкаешь по одному, насчитал 25, контратака захлестнулась. Слева и справа у нас тоже действуют, немец перенес весь огонь туда, нам дал передохнуть. В 5 ч. вечера начал вторичную артподготовку, бьет и фугасами, и шрапнелью. Вой, визг, свист, треск жуткий, та же история, пошел в контратаку, но залег от огня нашей артиллерии, но все же еще 2-х успел снять. [...] Светает, вот полетели гранаты: две шлепнулись у нас, одна в окопе, другая на бруствере, я схватил ту, что в окопе, и послал назад, получилось удачно, и мне понравилось. Начал следить, чтобы не прозевать, таким образом я выкинул к немцам еще пять штук, одновременно стреляя по поднимающимся немцам, пока что укладываем всех на месте, еще ни один не перебежал. Второй парень, хоть и узбек, но молодец, бьет без промаха, снял еще человек 10, считать некогда. Седьмую контратаку сорвали» (с. 95).

За такой бой, в зависимости от конъюнктуры, можно получить любую награду, от «Красной Звезды» до Героя Советского Союза, но вчерашнему штрафнику на это рассчитывать было трудно. Если верить дневнику, Контарев в этом бою убил 27 немцев, а один узбек из его отделения – еще десять. В представлении к «Красной Звезде» (Полян на странице 96 ошибочно пишет, что Контарева представляли к ордену «Красное Знамя») его отделению было записано 37 убитых немцев, а лично Александру – 21, в том числе пять солдат и один офицер – в рукопашном бою¹⁰, до которого, судя по дневнику, в действительности дело не дошло. Но, согласно донесениям о потерях, германская 4-я армия, чьи части противостояли 39-й армии, за период с 1-го по 10 июня 1943 года потеряла 194 убитых, 836 раненых и 21 пропавшего без вести¹¹. Разумеется, совершенно невероятно,

¹⁰ См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument> (л. 3).

¹¹ *Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943* (https://web.archive.org/web/20121029022426/http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html).

чтобы 17,2% всех безвозвратных потерь 4-й германской армии пришлось на одно штрафное отделение – тем более, что против 39-й армии действовал лишь один 27-й армейский корпус. Несомненно, потери немцев в том бою завышены многократно. Но такое завышение характерно для участника ближнего боя: ему действительно кажется, что каждый упавший после его выстрела враг убит.

Эпизод же с ловлей вражеских гранат, возможно, имеет литературную основу. В мае 1940 года в журнале «Молодой колхозник» Сергей Михалков опубликовал поэму «Дядя Степа в Красной Армии»¹², где главный герой участвует в Польском походе РККА в сентябре 1939 года:

Наступают наши части,
Отступает польский пан.
Мы несем с собою счастье
Для рабочих и крестьян.
Занят Львов, и взято Гродно,
За спиной бойцов Столбцы.
Мощной силою народной
В бой бросаются бойцы.
Вот идет, нахмутив брови,
Дядя Степа – рядовой.
На лету гранаты ловит
У себя над головой.

Дневник Контарева дает яркое представление и о состоянии Красной армии в последние военные и первые послевоенные месяцы. В записи 22 февраля 1945 года отмечается, что «Карпенко и старшина попали в штрафную роту за то, что убили командира взвода» (с. 185). Но наиболее яркие картины морального состояния бойцов Красной армии мы находим в записях, посвященных послевоенному быту советских войск в Маньчжурии, прежде всего в Порт-Артуре и Дайрене. Помимо поголовного и ежедневного пьянства, нарастала ненависть к офицерам из-за задержки демобилизации. 12 августа 1946 года Контарев записал:

«Русский солдат не злопамятный, но когда его доведут до ярости, тогда он все сметает на своем пути. И если сейчас уже раздаются выкрики по адресу майора Дементьева во время кино “Долой его, туши свет”, мы ему устроим темную, а затем оглушительный свист, то через месяц–два всколыхнется все» (с. 262).

Учитывая подобные настроения, представляется невероятным, чтобы Сталин рискнул напасть на своих союзников вско-

12 Михалков С. *Дядя Степа в Красной Армии* // Молодой колхозник. 1940. № 5. С. 26–27.

ре после окончания Второй мировой войны. Это грозило солдатскими бунтами, сравнимыми с февралем 1917 года.

Любопытно, что Александр Контарев стал прототипом главного положительного героя повести Эдуарда Маципуло «Подземные дворцы Кощея» (1988), рядового Иннокентия Кощеева. Как и Контарев, Кошеев служит в Красной армии с 1939 года, однако все время на Дальнем Востоке. Соответственно, и подвиг Контарева передан Кошееву, но совершает он его в августе 1945 года во время войны с Японией. Кошеев, как и Контарев, – это человек, стремящийся выжить и далекий от высоких материй, не любящий начальство и имеющий репутацию анархиста и хулигана, но иногда поступающий героически. Отразился в повести Маципуло и любовный треугольник Контарева, медсестры Милы и майора, за которого Мила в конце концов вышла замуж. Только в повести медсестру зовут Ефросинья Кошкина.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ

О ВОЙНЕ

Нарушение устава на войне – вещь обыденная, и далеко не всегда это нарушение можно поставить солдату в вину. Уставы устаревают, и порой командирам приходится отдавать приказы вопреки уставам, а также закрывать глаза на нарушение уставов подчиненными.

В заключении к своей книге Полян утверждает, что «все двенадцать дневников, составляющих ядро настоящей книги, являют собой общее и единое поле битвы между двумя этими установками – государственно-патриотической и бесчеловечной («Умри же за родину, герой!») и индивидуалистической и общечеловеческой («Ни в коем случае не умереть – выжить!»)» (с. 985). Получается, что Контарев выступает как носитель общечеловеческой установки и вроде бы не должен считаться «жлобом». Но тут же Полян оговаривается, что вряд ли допустимо «выжить» ценой предательства или «нарушения присяги или устава» (с. 985). Замечу, что нарушение устава на войне – вещь обыденная, и далеко не всегда это нарушение можно поставить солдату в вину. Уставы устаревают, и порой командирам приходится отдавать приказы вопреки уставам, а также закрывать глаза на нарушение уставов подчиненными. Возможно, Полян подозревает Контарева в предательстве или в нарушении присяги, но ничего подобного из дневниковых записей не следует – Контарев даже в мародерстве не замечен.

Жизненное кредо Контарева выражается в следующей записи, неоднократно повторяющейся с различными вариациями: «Да и вообще все как-то относятся ко мне с каким-то затаенным

презрением. Ну и хер с ними, чхать я на всех хотел». (5 сентября 1944 года) (с. 138). Тут сразу вспоминается песенка американского пилота Бена Энсли из кинофильма «Последний дюйм» (1959): «Какое мне дело до всех до вас, а вам – до меня?». Контарев – тот же тип человека, что и герой Джеймса Олдриджа, и с таким кредо в мирной жизни ему, наверное, было еще труднее, чем на войне. После тяжелого ранения воевать на передовой стало трудно: даже спустя десять месяцев, 19 сентября 1944 года, он записал: «Я немного поиграл [в футбол. – Б.С.] и бросил, нельзя бегать, жуткие боли в том месте, где ранило» (с. 141).

В дневниках отразился роман Контарева с Милой – Людмилой Ленской, москвичкой 1922 года рождения, старшим сержантом медицинской службы, младшей хирургической сестрой Хирургического полевого передвижного госпиталя № 572 39-й армии¹³. Также через дневник проходит его дружба с Павликом – сержантом 139-й бригады Павлом Карташевым, 1919 года рождения, – тот был призван из Тбилиси и числился начальником вычислительной команды, тогда как Контарев – старшим вычислителем (оба чертили графики и таблицы огня, таблицы боевых порядков и иногда корректировали огонь). Их имена стоят по соседству в списке бойцов 139-й пушечно-артиллерийской Витебской Краснознаменной ордена Кутузова бригады, награжденных медалью «За взятие Кёнигсберга»¹⁴.

18 января 1945 года, находясь в Восточной Пруссии, Контарев фиксирует:

«Вчера слышал от майора Тимошкина, он с Штарма [политотдел], что есть указание Военного совета армии ничего не запрещать солдатам на захваченной территории. Что из этого получится, не знаю, но это нехорошо, этим самым мы сами себе противоречим» (с. 175).

Из-за этого указания, явно спущенного из Москвы, очень скоро случилась трагедия. Уже 20 января Контарев записал:

«По всей Пруссии-земле горят дома и подсобные здания, зрелище очень приятное, но мне это немного не нравится, так как сзади нас идущие части остаются без помещений и им придется жить на улице, а сейчас все время холодная погода стоит и не очень-то высидишь на дворе» (с. 175–176).

Но еще более жуткая запись 31 января 1945 года в Нойхофе:

«Что творится сейчас на улице! Недалеко от нашего дома стоит сарай, в котором полно беженцев. Вот солдаты, а особенно офицеры, пользуясь разрешением на все, жуткие вещи творят сейчас. На

13 См. наградной лист в связи с награждением ее медалью «За боевые заслуги» от 24 октября 1943 года: <http://podvignaroda.ru/?#id=22013888&tab=navDetailDocument>.

14 <http://podvignaroda.ru/?#id=1536164873&tab=navDetailDocument>.

дворе стоит сплошной крик и визг женщин, которых насилюют, и до чего дошли, 15–20 чел. насилюют одну девушку 14–15 лет. Страшно смотреть на все это» (с. 180)¹⁵.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

А 11–12 февраля он, очевидно, стал свидетелем чего-то еще более жуткого: «А что вообще везде творится, страшно об этом вспоминать. Недалеко и мы ушли от немцев, ведь это не месть, а глупость» (с. 182). Дополняет картину запись 9 апреля, сделанная в капитулировавшем Кёнигсберге:

«А солдат и машин полно, все тянут трофеи. Страшно смотреть на все это. Видя это, можно подумать, что не регулярная армия, [а] сброд какой-то. Все тянут, не разбирая ничего, машины загружены барахлом, по дорогам движутся колонны мирного населения и пленные – у них отбирают солдаты чемоданы, все это превращается в полный бандитизм. Неужели нельзя это пресечь?» (с. 196).

Ту же картину Контарев увидел в Маньчжурии 21 сентября 1945 года, хотя китайцам красноармейцам мстить было абсолютно не за что:

«Дошел до военного городка, и слышно, как где-то в стороне кричат женщины-китайки. Это Русь разоряется, уж не армия стала, а банда. Сравнивая когда-то мною прочитанные книги о старой армии и то, что сейчас делается, так нет никакой разницы, если не хуже. Грабёж и насилие среди белого дня стало обыденным явлением, что будет дальше, страшно подумать, во всяком случае китайцы и японцы этого не простят нам» (с. 233–234).

Возмущала его и вопиющая несправедливость в распределении маньчжурских трофеев, что сквозит в записи 22 сентября:

«Если солдат что-либо себе достанет из трофея, то отберут, а ординарцы подполковника, майоров Св-о и С-ва тащат беспощадно все. [...] Если описывать все, что видишь, то получается не лучше, чем у немцев» (с. 234).

Хотя, как следует из той же записи, грабителей из числа солдат иногда все же арестовывали и даже расстреливали (с. 234–235).

Накануне демобилизации, летом 1946 года, Контарев так оценивает итоги войны:

«А если взять весь Советский Союз в целом, то получится величайший в мире океан несчастья, горя и невзгод, океан, в котором можно утопить весь наш земной шар, а что в результате получили –

15 Во вступительной заметке к публикации дневника Контарева эта цитата ошибочно отнесена к 31 января 1944 года (с. 89), из-за чего у читателей может создаться ошибочное впечатление, что красноармейцы так вели себя по отношению к жителям освобожденных советских территорий.

шиш, огромнейший шиш, или, попросту говоря, дулю за все пережитое. [...] Ведь говорят приехавшие отпускники, что в Советском Союзе не лучше, даже хуже живут, сделали так, что даже вздохнуть нечем» (с. 261–262).

Но вернемся к дневникам остовцев. Полян совершенно справедливо связывает ухудшение питания и военнопленных, и остовцев в начале 1945 года с массированными бомбардировками англо-американской авиацией, которые не только разрушили многие заводы и парализовали их снабжение сырьем и топливом, но и разрушили пути снабжения продовольствием (с. 349).

Тех из остовцев, кто надеялся, уехав в Германию, «повидать свет», ждало горькое разочарование. Михалева отмечает: «Увидеть мы здесь ничего не могли. Мы были как пленные, как рабы. Мы только и знали дорогу с завода и до бараков» (запись 22 июля 1942 года) (с. 382). А еще она возмущалась воплощением в жизнь «расовой теории»: «Каждый паршивенький уродик, гордясь тем, что он немец, задирает свой нос до потолка» (запись 29 августа 1942 года) (с. 392). Она и другие остовцы тоскуют «о свободной, разгульной жизни в России» (с. 416), хотя, как мы понимаем, жизнь в сталинском СССР отнюдь не была свободной. По той же причине другой остовец Василий Баранов 7 сентября 1943 года записал, что «вспоминали родной дом, что как мы жили хорошо, а нам казалось – неудовлетворительно» (с. 663).

Примечательна запись Михалевой 9 апреля 1943 года: «Противный климат здесь. Так не нравится он мне. Скучаю по русскому климату» (с. 444). О том же пишет 5 мая 1945 года Пилипенко: «О, здесь все иное, даже климат сырой, безжизненный, противный» (с. 721). Впрочем, периодически отношение остовцев к немцам меняется в лучшую сторону. 23 декабря 1943 году, перед Рождеством, Михалева записала:

«Мы, все девчата, поздравили с наступающим праздником обер-мастера и мастера и подарили им по картине. Они очень удивлены. Для них это так неожиданно. Мы как-то забываем, что ведь все-таки они немцы – наши враги, видим только людей перед собой, к которым мы уже так привыкли» (с. 490).

И некоторые немцы стали относиться к остовцам лучше, особенно после того, как потеряли веру в победу Германии. 18 апреля 1944 года Михалева отметила:

«Заметно изменилось отношение немцев к русским в Германии. Носятся слухи, или даже вернее уже напечатано в газете, о том, что для русских улучшат условия питания» (с. 504).

Причины такой перемены она видела в следующем:

«Заметно изменилось отношение немцев к русским. Немцы поняли русский народ. Поняли его простоту, добродушие, честность, трудолюбие. Все эти качества нравятся немцам. Немцы очень уважают русских, несмотря на то, что на русском фронте тысячами гибнут немецкие солдаты» (6 января 1944 года) (с. 492).

В то же время у остовцев возникает своеобразный «стокгольмский синдром», и немцев порой они называли «нашими». Характерна запись Михалева от 25 февраля 1944 года: «Финляндское правительство пропускает наши части через свою территорию» (с. 495), где под «нашими» явно имеются в виду немецкие войска.

2 февраля 1945 года Михалева, комментируя уменьшение длины рабочего дня и одновременное сокращение норм питания, отмечает:

«Вообще с продуктами сейчас становится с каждым днем все хуже и хуже, не только для нас, но и для всего населения Германии. Все с ужасом ждут голода. Немцы в отчаянии. Некоторые из них даже завидуют нам, что мы на каждый день обеспечены тремя кусочками хлеба» (с. 548–549).

А вот на заводе в Лейпциге, согласно дневнику Баранова, первый остовец умер от голода еще 10 ноября 1943 года (с. 684). Следующая смерть произошла 27 ноября на заводе «Эрла», причем Баранов отметил, что «случаи голодной смерти здесь уже не новости» (с. 690–691). Интересно, что, по мнению Баранова, узников концлагеря, находившегося при «Эрле», «кормят хорошо, лучше нас» (с. 696). 7 января 1944 года один из остовцев «Эрлы» был убит немцем-полицейским ударом приклада в тот момент, когда собирал в помойной яме брюквенные очистки (с. 705). 21 января Баранов отметил, что «русских мрет каждый день десятки, и все от голода» (с. 709). Всего в Гаттингене, близ Бохума (Северный Рейн-Вестфалия), где находился исправительно-трудовой лагерь для иностранных рабочих, в 1940–1945 годах их умерло 356 человек, в том числе 217 – остовцев (с. 711–712).

У тех остовцев, кто трудился в шахтах и на других тяжелых работах, паек был усилен, ежедневно выдавалось мясо (колбаса). Шахтер Борис Андреев отмечает 30 мая 1942 года: «обед был шикарный: 5 шт. картофелин (вареных, в мундире), огурец соленый, подлива из кровяной колбасы и чашка киселя из какой-то травы, но очень вкусной» (с. 744). Но на этих работах умирали даже чаще, чем на более легких, пусть и с меньшим пайком. 21 августа 1942 года Андреев зафиксировал смерть одного из товарищей: «Нужно было нагрузить 50 вагонеток угля.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

Из-за слабости он не мог работать. Немцы стали его бить, и в лагерь его принесли на руках, здесь он и умер» (с. 747). 23 декабря 1942 года в лазарете умер еще один шахтер-остовец – вероятно, в результате несчастного случая. 7 апреля 1943 года последовала новая смерть, причем на этот раз не обошлось без побоев. Следующая смерть из той же ленинградской партии в 41 человека последовала 7 мая (с. 756). 15 августа 1943-го еще один товарищ Андреева умер от туберкулеза (с. 758). Но погибали русские шахтеры и вне этой группы. 30 октября 1943 года «в уборной повесился один из новеньких» (с. 761), а 10 февраля 1944-го «в шахте немцы убили пигелем (киркой) одного русского за то, что он ослаб и не мог как следует работать лопатой» (с. 764). Но страдали остоуцы и от боевых действий. 19 марта 1945 года несколько из них были убиты при обстреле колонны британскими самолетами (с. 775).

После освобождения начались расправы остоуцев и пленных над коллаборантами. 11 мая 1945 года Андреев отметил: «Сегодня в соседнем лагере расстреляли одну русскую женщину. Она при немцах служила в гестапо, допрашивала и била русских. Судили ее и расстреливали русские» (с. 778). Точно так же в эшелоне остоуцев, направлявшемся в советскую оккупационную зону Германии, в ночь на 10 июня 1945 года был убит русский за то, что «он при немцах был в их армии и расстреливал партизан» (с. 780). Андреев, после освобождения более года прослуживший в советском трудовом батальоне, судя по записи, питался там значительно лучше, чем у немцев. И хотя положение бойцов трудбата не так сильно отличалось от узников ГУЛАГа (и те и другие занимались лесоповалом на Урале), здесь не практиковалось рукоприкладство, которое по отношению к остоуцам в Германии было обычным делом.

Примечательна запись Баранова от 4 октября 1943 года, где он описывает встречу с русским из Дрездена, вероятно, эмигрантом. Тот «сказал, что для Сталина мы враги, так как он отказался от нас, сказав, что у меня пленных нет, а только изменники. Но для Гитлера мы тоже не нужны, так что положение наше неважное» (с. 671). Возможно, это один из наиболее ранних примеров употребления приписываемой Сталину фразы «У меня нет пленных, а есть только предатели», первоисточник которой не определен по сей день. А 8 октября Баранов записал: «До чего противна стала песня “Если завтра война”, потому что на деле вышло иначе» (с. 673).

Поскольку Тюрингия находится почти в центре Германии, в связи с приближением фронтов с Востока и Запада остоуцев никуда не эвакуировали. Только 1 апреля 1945 года была попытка эвакуировать остоуцев и итальянцев из Вальтерсхаузена, но она была тотчас пресечена налетом англо-американ-

ской авиации. При этом союзники не стали бомбить поезд с остарбайтерами и вестарбайтерами (с. 564). А уже 3 апреля в Вальтерсхаузен без боя вошли американские танки. В связи с освобождением у Михалевой в последний раз проявляется «стокгольмский синдром»:

«Обидно за свою родину, за свой отсталый русский народ. Я плачу от обиды. У меня появляется ненависть ко всему. Поведение русских возмущает меня. Какие отсталые наши люди! Даже стыдно за свой народ перед всеми иностранцами. Ребята наши уже достали где-то водки. Они грубят немцам» (с. 566).

Но уже 5 апреля замечает: «На “Ада Werk” итальянцы и русские расправляются с немцами, которые плохо обращались с иностранцами. [...] Все мстят немцам. Немцы заслужили эту месть» (с. 567). Начавшийся же почти сразу с санкции американских властей грабеж немецкого имущества освобожденными пленными и иностранными рабочими Михалева все же осуждает:

«Грابتь я не могу. Мне противно смотреть на все, что происходит в лагере. Полный разврат, распущенность девушек. Все русские ребята и многие девчата пьяные. Они гоняются за американскими солдатами, ходят по городу, грабят, доказывают американцам про немцев. Да, немцы заслужили эту месть. Но как все это противно! Когда же кончится эта животная жизнь?» (с. 568).

13 апреля 1945 года она замечает: «Мы еще пока счастливые: не так много пришлось нам переживать, видеть таких ужасов, как видели другие люди в этой войне» (с. 569).

Если до освобождения межнациональные противоречия между иностранными рабочими сглаживались общим противостоянием немцам, то после они вышли наружу. Если раньше русские, итальянцы и чехи устраивали концерты друг для друга и делились едой, то теперь русские парни, в том числе освобожденные из концлагеря, начали терроризировать русских девушек, били их, остригали им волосы за то, что они встречаются с итальянцами. Михалева неоднократно пишет об этом в дневнике. Так, 31 мая 1945 года она отмечает: «Итальянцы почти не танцуют. Русские пьяные ребята застращали их угрозами. Я танцую с Зиной. Как обидно! Мы боимся своих русских ребят» (с. 593).

А во время нахождения остовцев в пересыльном лагере в Эльсе (ныне Олешница в Нижнесилезском воеводстве в Польше) они подвергались нападениям со стороны советских солдат. 1 августа 1945 года Михалева записала в дневнике:

«Почти каждую ночь происходит кража, грабеж. Сегодняшней ночью ограбили людей из нашего дома, с нами соседнюю комнату.

Это делают солдаты. Они с оружием в руках отбирают у мирного населения последние вещи, оставляя людей совершенно голыми. Какое безобразие! Какой позор всему русскому народу! Из-за тряпки, из-за водки человек может убить другого человека» (с. 602).

Таганрожец Николай Саенко, как и чекист Иван Шабалин, был убежденным коммунистом, хотя, в отличие от Шабалина, про него до сих пор неизвестно, состоял ли он в партии. Наводнивших Таганрог «окруженцев» Саенко считал дезертирами, а пленных осуждал за то, что позволили взять себя в плен. Замечу, что в интернете про Саенко все же есть кое-какие сведения – а в рецензируемой книге отсутствует биография Саенко после освобождения. Согласно имеющимся данным, Николай Саенко родился в 1880 году в Самарской губернии в крестьянской семье, женился на односельчанке Марии. У них было шестеро детей, трое из которых умерли в детстве. Участвовал в Первой мировой войне, был комиссован по состоянию здоровья. После революции Саенко перебрался в Крым, а потом в Ростов-на-Дону. В 1937 году его сын Николай после окончания МАИ стал начальником ОТК на Таганрогском авиазаводе и забрал родителей к себе. Скончался Саенко в Таганроге 17 марта 1953 года (по другим данным, в 1948-м)¹⁶.

В начале войны Саенко писал в дневнике:

«Пленных красноармейцев очень плохо кормят, а то и совсем не кормят, [занимаются] попрошайничеством у крестьян» (17 ноября 1941 года) (с. 816).

«Со слов пленных видно, что в г. Мариуполе очень много пленных и все очень в плохом положении, раздеты, разуты, кормят кое-как и впроголодь, так что каждый день умирают человек по 20, и все эти горе-вояки сдались большею частью добровольно, а теперь некоторые говорят, что лучше умереть на фронте, чем в плену быть у немца» (22 декабря 1941 года) (с. 826).

Саенко в основном опирается на слухи, которые, в частности, явно преувеличивают какое-то раблезианское продовольственное изобилие немцев в Таганроге на встрече нового, 1942, года:

«В Таганроге на некоторых квартирах по три дня готовили кушанья, варили, парили, жарили всевозможные кушанья и яства, всего было навезено и птица всевозможная, и поросята, и окорока свиные, мясо баранина и говяжье, колбасы, молочные изделия, масло сливочное, сливки, сыры разные, и все это наше местное русское производство, часть из государственных складов, а молоко и птица взята, где попало на глаза, и пошло все для удовольствий чужих непрошенных гостей, хотя нужно заметить, что много и

16 Солова Н. *Живые свидетельства Николая Саенко // Таганрогская правда*. 2020. 14 октября. Фото Николая Саенко см.: https://vk.com/wall-48054063_22785.

наших советских граждан принимали участие встречи Нового года вместе с немцами, ведь все это без расхода, но интересно было бы услышать при возгласении тоста и поднятии бокалов с вином, за чье благополучие выпивали наши бывшие советские товарищи, которые уже успели примазаться к немцам» (с. 830).

В марте 1942 года он отмечает падение цен на продукты на таганрогском базаре, порой на 50–70%. (с. 843–844). Это косвенный показатель того, что голода в городе в первую военную весну не было. 17 марта Саенко признал, что «хлебом население, можно сказать, что запаслось до мая месяца. Многие имеют достаточно и провизии, но большая часть населения недоедает» (с. 846). Однако после посещения кладбища он отмечает, что в сравнении с прошлым хоронят «наполовину больше», особенно детей (с. 848). А ведь были еще тысячи расстрелянных евреев, захороненных во рвах, и слухи об этих расстрелах тоже запечатлены в дневнике. Саенко свидетельствует о геноциде цыган, фиксируя 2 февраля 1942 года, что в 25 километрах от Таганрога «расположен цыганский колхоз и что колхозников-цыган всех немцы расстреляли» (с. 836). Что же касается голода, то он наступил позднее – летом, когда немцы практически запретили таганрогцам ездить в деревни за продуктами. После этого многие горожане подались на Украину. 27 июня 1942 года Саенко отметил, что «с города беспрерывно выезжают жители в тыл и на Украину, избегая голодовки, хлебное зерно на базаре ужасно дорого» (с. 860). 17 июля он отметил, что в Таганроге стало очень много нищих и «смертность людей очень велика, а в особенности пожилых людей» (с. 861).

9 апреля 1943 года Саенко затронул тему остовцев из Таганрога:

«На биржу из Германии пришло два мешка русских паспортов или документов, оставшихся от умерших, убитых и без вести пропавших людей, отправленных в Германию на работу. Бежавшие из Германии люди передают устно, что 90 процентов умерших – от голодовки, хлеба нет, а труд тяжелый. Сами немцы говорят, что в Германии хлеба нет, пока русские хлеб подвозили, все же давали, а теперь нема, т.е. нет. Немецкие фронтовики жалуются на плохую пищу и мало хлеба, немецкие офицеры поставлены на общий солдатский паек, сигарет выдают по 2 штуки в день, посылки в Германию очень редко стали посылать, как видно, ввиду недостатка транспорта» (с. 875–876).

К тому времени вещей для продажи и обмена у таганрогцев осталось мало, цены на продовольствие значительно поднялись. Характерно, что сам Саенко ни разу не пишет, что голодает. Вероятно, ему хватило довоенных запасов, скудного

окупационного пайка, а также того, что удавалось выменять в деревнях на вещи, табак, соль и так далее.

Дневники Тамары Лазерсон еще трагичнее, ведь большинство тех, кто там упоминается, были либо убиты нацистами, либо умерли в последние месяцы войны от голода и болезней. Но самой Тамаре повезло. Двое из пяти членов ее семьи – она и брат Виктор – выжили, тогда как в Литве погибли жившие там до войны 96% евреев. Как подчеркивает Полян, «именно в гетто у Тамары всерьез пробудилось еврейское национальное самосознание, причем не религиозное, а сионистское. Она старалась узнать как можно больше об истории и литературе своего народа, но концентрируется на языках – подтянула идиш и налегла на иврит!» (с. 904).

Фактически узники гетто, вынужденные трудиться на немцев, во многом своим положением напоминали остовцев (хотя и была принципиальная разница: евреев нацисты собирались уничтожить поголовно, а в отношении остовцев такой цели не было). Но в чем-то положение узников гетто было даже лучше, чем положение остовцев. Они жили семьями в своих квартирах или комнатах, пусть и постоянно уплотняемых, спали не на нарах, имели гораздо больше возможностей доставать продукты в городе. Лазерсон пишет:

«Наше положение, пока оба ходим в бригады, очень хорошее. Питаемся хорошо, но запасы сделать никак нельзя. Принесешь, хорошо поешь, а о дальнейшем думать не стоит» (с. 918).

Также за выходом на работу не было строгого контроля, и при желании ее можно было пропускать, что порой Лазерсон и делала. В гетто имелось свое самоуправление и ремесленная школа, что облегчало положение узников. Характерно, что у стрелявшего в немцев при попытке побега и повешенного за это Наума Мекка были найдены при обыске «два пистолета, полный портфель золотых часов и колоссальная сумма денег», после чего последовал приказ всем сдать оружие (с. 923). Более или менее сносная жизнь в Каунасском гетто продолжалась до 27 марта 1944 года, когда были уничтожены около 1500 узников, главным образом, стариков и детей. Тамара Лазерсон свидетельствует:

«Молодые родители отдали все, что было для них самым дорогим. Муж нес на руках до грузовика стариков родителей – инвалидов, жена несла малюток. Жутко!» (с. 952).

Трагично и то, что обе спасительницы Лазерсон, литовские учительницы Петронеле Ластене и Вероника Жвиронайте, были позднее депортированы советскими властями в Сибирь (с. 954). А еще одна спасительница – зубной врач, литовка Броне Пае-

дайте, спасавшая также других еврейских детей, – отказавшись ехать в Сибирь, покончила с собой в тюрьме (с. 957–958). Однако дата ее ареста 3 сентября 1945 года, которая содержится в комментарии, может быть поставлена под сомнение, так как Тамара Лазерсон пишет в дневнике 18 сентября, что Броне была арестована «вчера вечером», то есть 17 сентября (с. 964). Ссылка в Сибирь постигла и литовку Ону Кайрене, спасавшую еврейских детей (с. 959). Сама же Лазерсон в первый послевоенный год, оставшись сиротой и лишившись депортированных в Сибирь опекунов, жила даже более голодно, чем в гетто.

Вернемся к недочетам книги – более мелким, нежели указанные выше. Город Будвайс отнесен Поляном к Верхней Австрии (с. 40). В действительности это нынешний Ческе-Будеёвице, он находится в Южной Чехии. Вряд ли основательно предположение автора о том, что 1-я Русская национальная армия (РНА) Хольмстона-Смысловского входила в состав «власовских» формирований и что ее встреча с группой Русского охранного корпуса могла быть заранее запланированной (с. 40). В действительности РНА была частью вермахта, и ее командующий, будучи генерал-майором германской сухопутной армии, категорически отказался подчиняться Андрею Власову, а его встреча с группой Томина наверняка была случайной¹⁷. Об этом же пишет Симон-Томин в дневнике 23 апреля 1945 года: «Случайно встречаю полковника Соболева» – командира полка у Смысловского (с. 51).

В примечании к записи Контарева от 1 сентября 1943 года: «узнал новость: IX танковая дивизия сейчас сзади меня» (с. 104) Полян утверждает: «Неточность. Имеется в виду 10-я танковая дивизия вермахта (9-я воевала на западном театре военных действий)». Но неточность здесь как раз допускает комментатор: германская 10-я танковая дивизия была уничтожена в мае 1943 года в Северной Африке и более не восстанавливалась. А вот 9-я танковая дивизия вермахта действительно воевала на Восточном фронте. Но в августе 1943 года она сражалась в составе 2-й танковой армии и 9-й армии группы армий «Центр» в районе Брянска и Спас-Деменска, а 22–25 августа была переброшена в 6-ю армию группы армий «Юг» в Донбассе¹⁸. Про-

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

17 На том, что группу Симона-Томина «совершенно случайно подобрал полковник Тарасов-Соболев, командир полка в РНА, настаивают биографы Смысловского. См.: Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. *Указ соч.* С. 303. Они называют Симона-Томина лейтенантом вермахта, тогда как, судя по дневнику, он был произведен Смысловским из унтер-офицеров сразу в обер-лейтенанты. Евгения Месснера же Смысловский произвел из фельдфебелей сразу в майоры. Командующий 1-й РНА имел на это полное право, так его соединение действовало на правах отдельной дивизии вермахта. Следовательно, Смысловский имел права командира корпуса, а возможно, и командующего армией. Эти производства делались с чисто гуманитарными целями – для того, чтобы после интернирования в Лихтенштейне они имели права офицеров и офицерское содержание. Дневник Симона-Томина обильно цитируется в: Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. *Указ соч.*

18 Kruk M., SZEWZYK R. *9th Panzer Division: 1940–1943*. Sandomierz: Stratus s.c., 2011. P. 161–162.

тив 39-й армии, в которой воевал Контарев, она не действовала. Скорее всего недостоверный слух о ее появлении исходил из штаба армии.

2 сентября 1943 года Контарев упомянул:

«Ночью восемь белорукавников прошли через передний край. [...] После завтрака привели задержанного Николаева. Во время его опроса немецкая артиллерия сделала налет на то место, где мы находимся, бил очень точно, наверное, эти сволочи начали работать» (с. 105).

В комментариях утверждается: «Белые повязки выдавались коллаборантам, служившим в полиции правопорядка. Здесь – обозначение любых коллаборантов», а Николаев охарактеризован как «предположительно, наводчик немецкой артиллерии». Но, судя по контексту, здесь речь идет о дезертирах, которые перешли передний край и ушли к немцам. Вероятно, они имели белые нарукавные повязки или обнажили белые рукава рубах, чтобы показать, что сдаются. Николаев никак не мог быть «наводчиком немецкой артиллерии», так как наводчик – это тот, кто непосредственно стреляет из орудия. Скорее всего Николаев – это один из дезертиров, которого удалось задержать.

В записи от 25 ноября 1943 года упоминается монтаж, который Контарев должен сделать «по приказу № 304 И. Сталина». Здесь опять идет странное примечание: «Неточность. Приказ Сталина № 304 был издан 20 марта 1945 г.» (с. 123). Но для приказов верховного главнокомандующего была независимая нумерация для каждого года и скорее всего здесь неправильное прочтение – речь идет о праздничном приказе Сталина № 309 от 7 ноября 1943 года¹⁹. На странице 126 БАО расшифровывается как «батальон артиллерийского обслуживания», но на самом деле это – батальон аэродромного обслуживания.

Город Лабиау, о взятии которого сообщает Контарев 23-го и 24 января 1945 года, – это отнюдь не Либава, как предполагает комментатор (с. 177), а нынешний Полесск в Калининградской области, бывший Labiau.

В книге немало упущений в опознавании упомянутых в дневниках фильмов и цитат. В дневнике Контарева комментатор не узнал фильма «Битва за Россию» (с. 194). Между тем это очень известная картина «The Battle of Russia» – снятый в 1943 году пятый эпизод семисерийного пропагандистского документального фильма «Почему мы сражаемся» («Why We Fight») американского режиссера Фрэнка Капры. Точно так же комментатор оказался бессилён перед упоминаемым в дневнике Контарева американским фильмом «Я вами очарован» (с. 204). Эта черно-

19 Сталин И. В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М.: Воениздат, 1948. С. 128–133.

белая музыкальная комедия 1936 года (режиссер Отто Премингер) была захвачена Красной армией в Германии и в советском прокате шла под названием «Очарован тобой», а в оригинале назывался «Under Your Spell». Контарев, отметив в дневнике, что фильм «неплохо сделан», сравнивает американскую и советскую жизнь:

«Как все же американцы прекрасно живут. Далекое нам до их жизни. У нас жизнь трудней, дороже, грубее. Жестокая наша жизнь, каждый шаг в ней приходится забирать с боем, с большой трудностью. Многочему нам надо у них учиться».

Михалева упоминает «очень интересный фильм. «Allo, Жанни» – про жизнь артистов», в связи с чем комментатор замечает: «Подробностями не располагаем» (с. 439). Здесь имеется в виду картина 1939 года «Hallo, Janine!» немецкого режиссера Карла Бёзе с Мариной Рёкк в главной роли французской балерины Жанни. А по поводу кинокартины «Vision am See» кроме перевода названия «Видение на море» (правильный перевод: «Видение на озере») (с. 459) стоит добавить, что это венгерский фильм (оригинальное название «Tóparti Látomás», «Видение озера») 1941 года режиссера Ласло Кальмара. Про фильм «Hab mich lieb» («Полюби меня») (с. 497) стоит сообщить, что это картина 1942 года немецкого режиссера Харальда Брауна с Мариной Рёкк в главной роли. Александре Михалевой определенно нравились фильмы с этой актрисой. На странице 511 дан только перевод названия романа «Дитер и Йвона», но при этом не сказано, что это произведение 1935 года «Dieter und Yvonne» германского писателя Оскара Глута.

На странице 513 комментатор ошибочно идентифицировал фильм как «Цирк Бенца», скорее всего неправильно прочитав запись в дневнике Михалевой. В действительности речь идет о германской картине 1943 года режиссера Артура Марии Рабенальта «Zirkus Renz» («Цирк Ренца»), названном в честь реального германского цирка. (Цирк Ренца существует и в настоящее время.) Почему-то не идентифицирован фильм, который в публикации дневника Михалевой назван как «Der gobietierischche Ruß». Но в данном случае ошиблась не автор дневника, а публикатор, который неправильно прочел подлинное название фильма «Der gebieterische Ruf» («Властный зов») в записи от 12 марта 1945 года (с. 560). Этот фильм произвел на Михалеву столь сильное впечатление, что она единственный раз пересказала в дневнике его содержание, которое спроецировала на собственный любовный треугольник с чехом Юзефом и итальянцем Уго. Германский фильм «Властный зов» был снят в 1944 году австрийским режиссером Густавом Учицки. Интересно, что в 1940-м, в короткий период дружбы между СССР и

нацистской Германией, Учицки снял картину «Почтмейстер» («Der Postmeister») по повести Пушкина «Станционный смотритель». На странице 636 к упомянутому Михалевой в записи от 7 мая 1946 года названию фильма «Аршин мал алан» дано загадочное примечание: «Так в тексте» (с. 636). Но иначе и быть не могло. Азербайджанская музыкальная комедия по мотивам одноименной оперетты Узеира Гаджибекова, снятая в 1945 году режиссером Рзой Тахмасибом, называется именно так.

На странице 270 в комментарии к фразе Контарева «эшелон тронулся на Ворошиловград», этот город ошибочно отождествлен с современным Луганском. На самом деле под этим названием, равно как и употребленным здесь же названием Ворошиловск, имеется в виду город Ворошилов (ныне Уссурийск) Приморского края.

Встречающееся в дневнике Галибина название «Ахос» Полян предположительно идентифицирует с городом Або. На мой взгляд, более вероятно, что речь идет о финском отделении благотворительной организации «Афон» («Athos»), которая, вероятно, оказывала помощь пленным.

В комментарии к записи Пахомова от 17 октября 1943 года «Немцами взят о. Кос» (с. 338) Кос спутан с Корсикой. Между тем греческий (тогда – итальянский) остров Кос в Эгейском море действительно был занят немцами 4 октября после трехнедельных боев, а итальянский и британский гарнизон капитулировали.

На странице 410 не опознана и не прокомментирована цитата в дневнике Михалевой «Я девчонка еще молодая, но душе моей тысячи лет». Между тем она из популярной в 1930-е песни поэта Сергея Алымова и композитора Юрия Шапорина «Перебиты, поломаны крылья» (другие названия – «Кокаин», «Песня Соньки»), впервые прозвучавшей в фильме «Заключенные» (1936). И цитата, и название фильма очень хорошо передают настроение автора дневника. Здесь сказалось художественное чутье Михалевой, так как процитированные строки – лучшие в песне. «Я девчонка еще молодая» – это народный вариант. У Алымова и в фильме: «Я совсем ведь еще молодая, но душе моей тысячи лет»²⁰.

На странице 451 ошибочный комментарий: «Курск был освобожден в ходе Харьковской наступательной операции, проходившей со 2 февраля по 3 марта 1943 года». В действительности Курск был освобожден 8–9 февраля частями 60-й армии в ходе Воронежско-Касторненской операции. Ее в свою очередь, наряду с Харьковской, иногда рассматривают как часть Воронежско-Харьковской наступательной операции.

20 «Стихи, и шприц, и кокаин...» Малая антология русской наркотической поэзии / Сост. и примеч. А. ШЕРМАНА. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 60.

Столь же ошибочен комментарий на странице 481: «Большое число итальянских военнослужащих было интернировано или взято в плен немцами сразу же после того, как 25 июля 1943 г. в Италии произошел военный переворот и власть перешла к маршалу Пьетро Бадольо, объявившему нейтралитет». На самом деле интернирование итальянских войск немцами произошло не сразу же после переворота 25 июля, а только после объявления о капитуляции Италии 8 сентября 1943 года, в связи с чем и запись Михалевой об ожидаемых в Германии интернированных итальянцах сделана 30 сентября. И ни о каком нейтралитете Бадольо до капитуляции не объявлял. В другом месте Полян признает, что итальянцы были интернированы 8 сентября 1943 года, но не говорит, что в этот день было объявлено о капитуляции Италии. При этом отнюдь не две немецкие дивизии разоружили пять итальянских (с. 653), а около двадцати немецких дивизий разоружили несколько десятков итальянских дивизий в Италии, на Балканах и в Южной Франции. Две немецкие дивизии действительно разоружили пять итальянских, но только в районе Рима.

Упомянутый в записи Михалевой руководитель партизан в Украине «замечательный, умный вождь, храбрый русский герой Калашников» охарактеризован комментатором как «Полулегендарный партизанский командир, действовавший в окрестностях Киева и грабивший банки, склады продовольствия и т.д.». Между тем это вполне реальная личность. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 14 января 1944 года о награждении партизан соединения Александра Сабурова, отличившихся при взятии Овруча, среди награжденных орденом Богдана Хмельницкого III степени числится Иван Иванович Калашников²¹. О нем подробно пишет Сабуров, отмечая, что тот во время рейда по Полесью увеличил свой взвод с 20 до 120 человек. Он также отмечает, что гестапо создало легенду о существовании в Киеве подполья во главе с неким Калашниковым, чтобы заманивать партизан в ловушку. Но этот Калашников был агентом гестапо²².

Почему-то для подруги Михалевой – Ирины Демехиной, – арестованной в начале февраля 1946 года в Курске, тот же год указан в качестве даты смерти (с. 630), но между тем Демехина, осужденная на шесть лет лагерей, умерла только в 1972-м²³.

Упомянутый в дневнике Михалевой (в записях от 11 февраля, 16-го и 22 марта 1946 года) ухаживавший за ней сотрудник «Курской правды» Николай Корнеев (1915–2001) – это до-

21 <http://podvignaroda.ru/?#id=1560715084&tab=navDetailDocument>.

22 См.: САБУРОВ А.Н. *У друзей одни дороги. Воспоминания*. М.: Воениздат, 1975. С. 164–166.

23 [https://ru.openlist.wiki/Демехина_Ирина_Федоровна_\(1924\)](https://ru.openlist.wiki/Демехина_Ирина_Федоровна_(1924)).

вольной известный курский поэт и журналист, заслуженный работник культуры РСФСР. На фронте он потерял глаз²⁴.

О другом кавалере Михалевой – Георгии Шмакове (1908–1964) (с. 637) – стоит сообщить, что этот военный строитель, уроженец Самарканда, дослужился до майора, но в период романа с Михалевой, в 1946 году, он, вероятно, был только лейтенантом, как и в августе 1944-го, когда получил орден «Красной Звезды», или старшим лейтенантом. После окончания войны Шмаков был направлен в Курск восстанавливать разрушенный город. В 1941-м у него уже была семья, жена и две дочки 10-ти и 4-х лет, так что его увлечение Михалевой вряд ли имело какую-то перспективу, хотя, если верить тому, что он ей говорил, к тому времени Шмаков с женой развелся (с. 637). В 1947 году Георгий Шмаков демобилизовался и вернулся в Самарканд²⁵.

Ничего не говорится о том, кто такой Доронин, из-за замечания которого по поводу ошибки в «Курской правде» редактор в марте 1948 года решил уволить трех сотрудников, включая Михалеву (с. 647). Между тем Павел Доронин (1909–1976) в 1938–1948 годах был первым секретарем Курского обкома партии.

В биографическом комментарии о представителе Управления Совнаркома СССР по делам репатриации во Франции, генерал-майоре Василии Драгуне, вместо года смерти поставлен знак вопроса (с. 723). Между тем известно, что Драгун умер 7 декабря 1961 года в Москве; урна с его прахом установлена в колумбарии Донского кладбища²⁶.

Фраза по поводу Анатолия Пилипенко: «Осенью 1943 года во время уличной облавы в Харькове он был схвачен и отправлен в Германию» (с. 711) примечательна тем, что советские войска освободили Харьков 23 августа, а последние харьковские окраины были освобождены 29-го и 30 августа. Не менее загадочен и следующий пассаж: «В 2003 году Анатолия Назаровича пригласили посетить Гаттинген, но он отказался, сославшись на то, что не хочет лишний раз даже вспоминать об этом. Кроме того, он все еще боялся репрессий со стороны своего государства за излишнее копание в прошлом!» (с. 714). Трудно понять, почему украинское государство должно было репрессировать за копание в остовском прошлом – тем более, что оно приветствовало выплату Германией компенсаций бывшим остарбайтерам.

24 См.: Капустина Е.М. *Когда поэзия – судьба. К 100-летию со дня рождения поэта Н.Ю. Корнеева (1915–2001)*. Библиографический указатель. Курск: Комитет по культуре Курской области; Курская областная научная библиотека имени Н.Н. Асеева, 2015.

25 Шмаков Георгий Матвеевич. *История солдата* (<https://soldat.moypolk.ru/soldier/shmakov-georgiy-matveevich>).

26 Драгун Василий Михайлович (<http://tankfront.ru/ussr/persons/gen-tv/DragnVM.html>).

На странице 565 опечатка: «Айденах» вместо правильного «Айзенах». На странице 570 не расшифровано чешское слово *nazdar* («привет»), обозначенное одной буквой *N*. Не переведены на русский тексты итальянских песен на страницах 573–574 и 586–588, а также украинских песен на страницах 717–718. Также на странице 583 явные опечатки – «*etwas bekommen von disee Madchen*» вместо правильного «*etwas bekommen von diesem Mädchen*» и почему-то нет перевода – «что-то получить от этой девушки». На той же странице – искаженное в оригинале или неправильно прочитанное публикатором «*Tu sei katiwa*» вместо правильного итальянского «*Tu sei cattiva*» («Ты плохая»). Там же явно искаженное публикатором слово «*Sehwimbad*» вместо правильного немецкого «*Schwimmbad*» («пляж») ²⁷. На странице 594 не исправлено и не переведено итальянское «*Destino Katiwa*». Правильно: «*Destino cattiva*» («Плохая судьба»). На странице 595 не исправлено и не переведено название итальянской песни «*Non dimentikare le mio Parole*». Правильно: «*Non Dimenticar Le Mie Parole*» («Не забывайте моих слов»). На странице 605 дан правильный перевод итальянской фразы «*Destino Katva Perche, perche sona russa?*» («Злая судьба, почему я русская?»), но не приведено ее правильное написание: «*Destino cattiva, perché sono russo?*». На странице 610 в записи Михалевой от 24 сентября 1945 года неправильно расшифрована фамилия писателя *Granin*, в связи с чем следует ошибочный перевод: «Я читала книгу Гранина “Студенты”, “Инженеры”». В действительности писателя Гранина в 1945 году еще не существовало, поскольку Даниил Герман взял псевдоним «Гранин» только в 1949-м, и он никогда не писал романы «Студенты» и «Инженеры». На самом деле эти произведения написал Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906), а в тексте дневника написано *Garin*.

На странице 736 комментатор указывает на неясность этимологии слова «пазури», употребленном в значении объятья. Но «пазур» по-украински означает «коготь», так что выражение «бросила его в пазури каннибалов-фашистов» означает «бросила его в когти каннибалов-фашистов».

Непонятно, почему в дневнике Пилипенко опущен перечень английских слов с русскими переводами (с. 724). Сам набор этих слов мог бы дать интересный материал для анализа.

Упомянутый Андреевым город Вейнгейм Полян в комментарии предположительно превратил в Вернхайм (*Vernheim*) к северу от Майнхайма (с. 779). Однако здесь явно имеется в виду Вайнхайм (*Weinheim*) в земле Баден-Вюртемберг.

27 Возможно, Михалева совершила здесь орфографическую ошибку, написав *t* вместо *tt*.

Почему-то в дневнике Лазерсон не переводится слово «веркштаты» (*Werkstätten*) – «мастерские». Также не расшифровывается аббревиатура NSKK, которая относится к палачам Каунасского гетто из 4-го батальона (с. 915–916). Между тем она обозначает Национал-социалистический автотранспортный корпус (*Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps*, НСКК) – организацию в рамках НСДАП, отвечавшую за контроль за использованием авто- и мототранспорта, развитие автомобилizма, пропаганду автомобильного туризма, автоспорта, а также помощь полиции в патрулировании автобанов. Скорее всего этот батальон, выполнявший транспортные и полицейские функции, был сформирован из членов НСКК (ими могли быть и фольксдойче), а его офицер Фриц Йордан, которого называли референтом немецкого комиссара в Каунасе «по еврейскому вопросу» и фактическим комендантом Каунасского гетто (с. 916), скорее всего был не гауптштурмфюрером СС, как считает Полян, а гауптштурмфюрером НСКК. Возможно, данное свидетельство Лазерсон – доказательство одного из редких случаев участия частей НСКК в Холокосте.

«Ах, страшный век, жестокие сердца!» (с. 949) в дневнике Лазерсон – это парафраз из «Скупого рыцаря» Пушкина, сцена 3: «Ужасный век, ужасные сердца!».

Упомянутого Лазерсон доктора Купа комментатор определяет как «литовского философа». Однако здесь, по всей видимости, имеется в виду немецкий философ и географ Эрнст Капп (*Ernst Kapp*, 1808–1896), основоположник философии техники. В его трактате «Основы философии техники» (*Grundlinien einer Philosophie der Technik*, 1877) последовательно проводится принцип органопроекции, излагаемый Тamarой Лазерсон.

Тот факт, что найденный в советском архиве уже после смерти автора первоначальный текст романа Генриха Герлаха «Преданная армия», написанного в советском плену и восстановленного в 1950-е по памяти с помощью гипнотизера, в значительной мере совпали, комментируется следующим образом: «Удивительный и уникальный случай – сугубо гипотетический, выскажусь отчетливее – сомнительный, но типологически возможный» (с. 978). Что тут сомнительного, понять невозможно. То ли то, что роман был частично восстановлен с помощью гипнотизера (но тот сумел отсудить себе часть авторского гонорара), то ли то, что был обнаружен первоначальный текст романа в архиве (но тогда в фальсификации подозреваются нашедший этот текст германский историк Йохен Хелльбек и помогавшие ему российские архивисты, хотя одну из книг Хелльбека Полян считает «монументальной» и «яркой» – с. 979)²⁸. Кстати говоря,

28 См.: Хелльбек Й. «Прорыв под Сталинградом»: вырванные советские корни немецкого военного бестселлера // Новое литературное обозрение. 2012. № 4(116). С. 268–293.

не очень понятно, почему значительная часть авторского заключения к книге составляет рецензия на монографии Йохена Хелльбека и Ирины Паперно (с. 979–981), которые к опубликованным в сборнике дневникам никакого отношения не имеют.

Галибина в заключении Полян почему-то называет погибшим (с. 983), хотя из введения к публикации его дневника следует, что он уцелел и благополучно пережил войну (с. 275). В то же время Полян утверждает, что из двенадцати авторов дневников выжили десять (с. 985), а это оставляет Галибина в числе живых, поскольку Шабалин и Воропаев погибли.

Полян отмечает, что «такие полярные типы, как Томин и Контарев, «сошлись» на вовлеченности в самодеятельность своих частей» (с. 984). Стоит все-таки подчеркнуть, что эта вовлеченность была очень разной. Профессиональный актер и режиссер Симон-Томин занялся постановками спектаклей по собственному призванию, хотя и по приказу командования, чтобы чем-либо занять бойцов РНА в период интернирования. Для него это было естественным продолжением прежней театральной деятельности в России и Югославии и подготовкой к будущей – в Австрии и Аргентине. Контарев же, не имея сколько-нибудь серьезных вокальных, музыкальных и танцевальных способностей, попал в самодеятельность только потому, что служил при штабе бригады и имел опыт участия в самодеятельности в госпитале. С передовой в самодеятельность не забирали, наоборот, часто участников самодеятельности направляли на передовую в период особо напряженных боев.

В целом об этом издании можно сказать следующее: Павел Полян задумал очень интересный проект – свести под одной обложкой двенадцать дневников, отражающих двенадцать судеб разных людей во время войны. Но вот исполнение проекта порой оставляет желать лучшего.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ